УДК 327.2
DOI:

© 2025 **Родоман Б. Б**
Независимый исследователь,
Москва, Россия

Цивилизации и ландшафт Северной Евразии[1]

Аннотация. На территории Северной Евразии более полутысячелетия на огромной территории существует государство, название которого периодически меняется. Само государство временами, кажется, что распадается, исчезает, но затем восстанавливается, возрождается, подобно фениксу из пепла. Цели данной статьи – проверить обоснованность некоторых метафор, описывающих подобные процессы; рассмотреть механизмы формирования гигантской государственной территории, особенности российского культурного ландшафта и всего постсоветского пространства; высказаться о причинах распада СССР и затронуть некоторые евразийские проекты.

Ключевые слова: Северная Евразия, культурный ландшафт, постсоветское пространство, государственное строительство, территориальное развитие, евразийство, Советский Союз.

© 2025 **Rodoman B.B.**
Independent researcher,
Moscow, Russia

Civilizations and the Landscape of Northern Eurasia

Abstract. On the territory of Northern Eurasia, for more than half a millennium, there has been a state of enormous area, the name of which changes every now and then. The state itself periodically seems to disintegrate, disappear, but is restored again, reborn, like a Phoenix from the ashes. The objectives of this article are to check the legitimacy of some of the metaphors that describe such processes; consider some mechanisms for the formation of a gigantic state territory, features of the Russian cultural landscape and the entire post-Soviet space; speak out about the reasons for the collapse of the USSR and touch on some Eurasian projects.

Keywords: Northern Eurasia, cultural landscape, post-Soviet space, state formation, territorial development, Eurasianism, Soviet Union.

[1] Тема докладывалась на круглом столе «Культурное пространство евразийства» в Российском НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва 16 ноября 2012 г.

Введение

По степени вытянутости Россия уступает только Чили и Норвегии. Эти страны вытянулись между берегом и горным хребтом, а Россия – вдоль двух *странообразующих природных зон*. Лесостепь стала осью основного массива расселения, по форме и положению похожего на ареалы распространения дуба, клёна и липы [1]. Под сенью этих широколиственных деревьев, прежде имевших большое хозяйственное значение, а в наши дни редких и почти забытых, прошла молодость русского этноса, ныне живущего среди берёз и осин, елей, сосен и лиственниц. Зона тайги в целом представляет собой более колониальное пространство, с *присвоением*, надолго и безнадёжно опередившим *освоение*.

Россия вытянулась с запада на восток в погоне за соболем. Представители коренных народов Европейского Севера, карелы из Великого Новгорода и коми-зыряне из Великого Устюга, продвигаясь вдоль своей родной зоны тайги, присоединили к будущей империи Северо-Восточную Европу и Северную Азию [2], так что именно эти народы могут считаться «государствообразующими» в некотором роде. Нередко, а то и как правило, основателями этнонимных государств оказывались представители отнюдь не титульного этноса, а его чужеродные завоеватели. К какому этносу принадлежали первые князья Новгородско-Киевской Руси? Какие «национальности» преобладали в революционной команде В. И. Ульянова?

Титульному этносу Российской Федерации, государство-поддерживающему, для удержания огромной территории народу, по сравнению с ней очень малочисленному, надо искать союзников среди других этносов. Но их надо любить, как любил Л. Н. Гумилёв тюрков и монголов, а не только «толеранить». Толерантность – вынужденная терпимость к тем, кого не любишь, а евразийскому пространству нужна дружба народов, но это понятие в постсоветской России вышло из употребления.

Однако вернёмся к России царской. По мере того как правительство узнавало, какой территорией оно владеет, и пыталось распространить на неё свой порядок вопреки гигантским расстояниям, экономические стимулы имперской экспансии сменялись военно-политическими. Железная дорога от Миасса до Владивостока построена не для «подъёма производительных сил Сибири», а для завоевания Китая и Японии. Даже при

проектировании Транссиба в конце XIX в. отдельные инженеры всё ещё предлагали использовать для перевозки грузов более выгодную, по их расчётам, конную тягу [3], но власть в Петербурге мыслила стратегически: паровозы необходимы для переброски войск.

Анизотропный ландшафт и территориальные иерархии

С вытянутостью России вдоль географических параллелей связана ортогональная анизотропия занимаемого ею пространства – неравнозначность северо-южных и западно-восточных векторов имперского «силового поля». В западно-восточном направлении Россию скрепляют военно-политические узы, а в северо-южном её раздирают перспективные, многообещающие экономические связи. В геополитическом смысле Азиатская Россия пристёгнута к Москве, а в геоэкономическом её части призваны быть ресурсным дополнением и объектом колонизации соседних южных стран. Так, дальний Восток более всего тяготеет к Японии и Китаю, восточная Сибирь – к Китаю, западная – к Средней Азии. В идеальной, чисто экономической географии, без учёта государств и этносов, это были бы экономические макрорайоны в виде меридиональных сегментов. Удобные рамки для деления России созданы в 2000 году в виде федеральных округов.

Другая, более важная и повсеместная, всемасштабная анизотропия пространства в России – радиальная. Тысячелетие военно-колониального деспотизма превратило российское пространство в тоталитарный ландшафт [4], в котором радиальные связи (центров с периферией) гипертрофированы, а тангенциальные (периферийных пунктов между собой) редуцированы. Радиальное направление – это проекция на земную поверхность так называемой «властной вертикали», а тангенциальное направление обнаруживает недостаток или отсутствие связей между соподчинёнными центру элементами. Российский культурный ландшафт есть результат взаимодействия с природным ландшафтом не общества, а государства [5].

Воплощением тоталитарного ландшафта в России является административно-территориальное деление (АТД). Нигде в мире оно не имеет такого огромного значения, как в нашей стране. У нас единицы АТД – универсальные ячейки жизни общества, подобные домам и квартирам. Существует множество сеток ведомственного районирования [6], но все они конгруэнтны общегосударственному АТД. Культурный ландшафт – отражение отношений между людьми. В нашей стране материальная инфраструктура, пути

сообщения, миграции, межличностные связи отражают прежде всего бюрократическую иерархию. На границах административных районов всех уровней обрываются транспортные связи, возникают зоны депопуляции и экономического упадка, разрастается внутренняя периферия [7], а полосы вдоль границ сохраняются как убежища (рефугиумы) дикой флоры и фауны, возможные основы для природных парков и заповедников. Открытие тоталитарного ландшафта и внутренней периферии – главные достижения отечественной социально-экономической и теоретической географии.

Централизованный анизотропный ландшафт существует на всех уровнях территориальной иерархии – в регионах («субъектах РФ»), в городах, в сельской местности. Кроме того, разные регионы обладают различными исторически сложившимися ритмами ландшафта. Так, в Западной Европе он более дробный (высокочастотный), а в Сибири менее дробный (низкочастотный). При эволюционном саморазвитии культурного ландшафта его антропогенная надстройка стремится к гармонии с природным базисом, а при вмешательстве извне сложившийся резонанс нарушается. При столкновении с традиционным ландшафтом сломались три главные российские реформы – Александра Второго, П. А. Столыпина и Е. Т. Гайдара (не доведены до конца, извращены, привели к обратным результатам).

Так, в сельской местности не удалось разрушить крестьянско-помещичий ландшафт латифундий и парцелл. Сегодняшние парцеллы – это приусадебные и садовые участки, застраиваемые коттеджами, а вместо латифундий – окружающие их пустыри, ждущие отвода под застройку или новой распашки. Земельные реформы оборачивались для сельских жителей катастрофами и неизменно проваливались, потому что нельзя было быстро передвинуть поля, огороды, жилища. Страна всякий раз возвращалась к дореформенному состоянию, иногда даже усугубляя его пороки.

Советская коллективизация на селе оказалась третьей волной закрепощения, а постсоветская приватизация – четвёртой (первая волна закончилась в середине XVII в., а вторая началась и достигла апогея в XVIII в.). Сегодня рядовые жители малых городов средней полосы России, обитатели моногородов, рабочих посёлков и сельских поселений в экономическом отношении менее свободны,

чем помещичьи оброчные крестьяне, и уж тем более чем государственные крестьяне до 1861 года.

В общем соглашусь с представлением, что современная Россия является территориальной иерархией поместий [6]. Главы этнических республик, губернаторы, мэры и прочие начальники являются настоящими помещиками, без патронажа которых невозможен средний и малый «бизнес». Постсоветская рыночная или квазирыночная экономика пришла к нам не с запада, а из советских подпольных цехов и среднеазиатских барахолок, она регулируется не правом, а воровскими обычаями, вписалась и влилась в иерархический тоталитарный ландшафт и в общем не стала конкурентной, а была разделена между криминальными сферами влияния, в том числе территориальными.

Внутренний колониализм, провинциальность и территориальные сословия

Многих исследователей и публицистов волнует вопрос, где в нашей постсоветской империи находится метрополия, а где колонии. Традиционный дискретный подход, при котором метрополией считается какая-то совокупность регионов в европейской части страны, не продуктивен; ни одна граница этого гипотетического ареала не является резкой и не выдерживает критики. Не лучше ли говорить о внутреннем колониализме [8] в континуально-относительном смысле и считать, что черты метрополии и колонии убывают-возрастают постепенно? Но в каком направлении? Просто ли с запада на восток или от Москвы во всех направлениях? Нет, не так. Метрополиями в том или ином смысле являются все административные центры районов любого ранга, а колониями – их периферийные зоны. Об этом свидетельствуют фактически применяющиеся способы землеприродопользования.

И, наконец, возвращаясь к стране в целом, предлагаю модель, простую и дискретную: метрополией является только Москва, и даже не вся, а лишь внутри МКАД; всё остальное – явные колонии – и ближнее Подмосковье, и новые территории Москвы (с 2012 г.). Захват земель, способы приобретения их у местной администрации, вытеснение и огораживание аборигенов, закрытие доступа к ранее использовавшимся ими земельным угодьям, ликвидация публичного пространства, разрушение прежнего культурного ландшафта – не суть ли это примеры самого яростного колониализма?

Из-за беспрецедентной гегемонии одной столицы в России все, кто не родился и/или не проживают в Москве, считаются (и часто

считают себя сами) гражданами второго сорта. (Об ущемлении и попытках реванша Петербурга умолчим, чтобы не уклониться от темы). Сообразно этой ситуации предлагаю выделять в России три территориальных сословия: 1) москвичи, 2) жители Московской области и Петербурга, 3) все остальные. Главы всех регионов, другие крупные чиновники и олигархи принадлежат к первому сословию, так как имеют квартиры и прочие резиденции в Москве.

Для России характерно отсутствие исторических провинций (таких, как Нормандия и Прованс во Франции), наше население идентифицирует себя по административным единицам (областям, краям, республикам). На территории нынешней России была только одна такая провинция – Ингерманландия, её следы слабо читаются в ландшафте (продолговатые кирпично-гранитные здания) и в топонимии (термин «мыза» и некоторые чисто финские названия). Для инвентаризации и классификации российского культурного ландшафта, в том числе с целью сохранения культурного наследия, учёными должны быть выделены культурно-исторические провинции [9].

Многократные распады империи

Как известно, при очередной смуте наша держава распадается, а после усмирения снова склеивается. В какой мере цикличен этот процесс, а в какой необратим? Так ли уж удобна метафора распада, если части не расходятся, а остаются на месте? И, наконец, что у нас распадается? С формальной точки зрения Российская империя распалась вследствие отречения Николая Второго от титулов не только самодержца всероссийского, но и царя польского, великого князя финляндского, царя казанского и астраханского. СССР распался в результате сговора правителей трёх главных республик. Россия при этом не распадалась: РСФСР вышла из СССР, не потеряв «ни пяди» (ни одного квадратного дециметра) своей территории.

Если обратиться к сути дела, то напрашивается цивилизационно-географическая гипотеза распада, опирающаяся на метафору заглатывания инородного тела. Российская империя и СССР распались якобы от того, что заглотали, не успели переварить цивилизационно чуждые им земли. Русификация и советизация оказались поверхностными и улетучились после того, как царская Россия надорвалась в Первой мировой войне, а СССР проиграл холодную войну с евроатлантическим Западом. Бывшие советские республики вернулись туда, где пребывали до российской и советской колонизации: Балтия в демократическую Европу,

Туркмения – в феодальную Азию. Эта концепция заманчиво проста и красива с первого взгляда, но сомнительна по существу.

Здравый смысл отказывается признавать цивилизационную пропасть между собственно Россией (уместившейся внутри Российской Федерации) и народами Казахстана, Киргизии, Южного Кавказа, долго варившимися в российском и советском котле. Подобие цивилизационной гипотезы в какой-то мере работает на западных окраинах нашей империи, соединённое с общей теорией колонизации и деколонизации. С этой глобальной точки зрения Россия была авангардом европейской колонизации, передовым отрядом великого Drang nach Osten, начавшегося ещё от рейнских и дунайских границ Римской империи. Но царская Россия и СССР изменили своей колонизаторско-цивилизаторской миссии и устремились на Запад покорять страны и народы, более цивилизованные, чем Россия. Вместо того чтобы продолжать европеизировать Азию, наша страна бросилась азиатизировать Европу. Германский фашизм был сокрушён, но победа СССР в борьбе за передел Восточной Европы в итоге была упущена.

Кажется, ближе к истине утверждение, что распад СССР был инициирован национально-освободительной борьбой и достижением независимости в странах Балтии. С их точки зрения это был не выход республик из Союза, предусматривавшийся некоторыми советскими конституциями, а ликвидация «советского строя». Но после того как к выходу из СССР стала рваться сама РСФСР [10] (выступление Б. Н. Ельцина против М. С. Горбачёва), правителям остальных республик ничего не оставалось, как окончательно прибрать возглавляемые ими земли к своим рукам, хотя до того они о выходе не помышляли и до последнего момента цеплялись за Советский Союз. Иными словами, распад СССР вне Балтии был не чем иным, как важнейшим актом или ярким подобием всеобщей «прихватизации».

В евразийских движениях, прежних и нынешних, трудно увидеть что-либо иное, чем ностальгическое стремление восстановить великую державу. Логике неоевразийцев отвечает территория СССР в границах 1939 года плюс Монголия (в то время фактически советская республика, или «красная колония», *Red colony* на иностранных картах). Та же логика требует включить в евразийскую империю Уйгуристан и Внутреннюю Монголию, но Китай их не отдаст.

Крах СССР иногда рассматривается как распад одной из последних колониальных империй, вслед за британской, французской, испанской и другими. Но если это неумолимая историческая закономерность является действительной и для монолитных континентальных территорий, то следующим в очереди к развалу стоит КНР. Однако военная и демографическая мощь последней не позволяет на это надеяться. Вопросы о том, существует ли единая и глобальная закономерность деколонизации и являются ли (были ли) Россия и Китай колониальными державами, остаётся открытым в свете чрезвычайной многозначности терминов «колония» и «колониализм» [11].

Заключение

Сегодня евразийская интеграция бывших советских республик во многом отвечает чаяниям их элит, да и прочего населения, прислониться к более богатой и сильной России, войти в круг живущих за счёт нефтегазовой трубы, избавиться от плохо проницаемых границ, искусственно и неожиданно разделивших семьи и культуры, спастись от угрозы исламизации и китаизации. Для правителей России это приятная перспектива расширить свою власть и подведомственную территорию. Препятствием неоевразийству служит узкий русский национализм («Россия для русских»). Широкий же русский национализм и империализм, отводящий русскому этносу роль гегемона, старшего брата, друга и защитника прочих народов, – это и есть евразийство.

Литература

1. Алёхин В. В. География растений. Москва: Учпедгиз, 1950. 420 с.

2. Историко-культурный атлас Республики Коми. Москва: Дрофа, ДиК, 1997. 364 с.

3. Гумилевский Л. И. Железная дорога. Москва: Трансжелдориздат, 1946. 459 с.

4. Родоман Б. Б. Морфология и динамика Российского пространства // Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 313–318.

5. Каганский В. Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. Москва – Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.

6. Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация. Москва: Изд-во «Европа», 2010. 312 с.

7. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН (Акад. Наук СССР). Серия «Географическая», 2012. № 6. С. 23–34.

8. Родоман Б. Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Москва: Аспект Пресс, 1996. С. 94–102.

9. Родоман Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 47–53.

10. Родоман Б. Б. Выйдет ли РСФСР из СССР? // Согласие: издание Литовского движения за перестройку (Саюдис). 1990. № 7 (29). 12–18 февр. С. 14.

11. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва: НЛО, 2012. 960 с.

References

1. Alekhine VV. Geography of Plants. Moscow: Uchpedgiz; 1950. 420 p. (in Russian)

2. Historical and Cultural Atlas of the Komi Republic. Moscow: Drofa, DiK; 1997. 364 p. (in Russian)

3. Gumilevsky LI. Railroad. Moscow: Transzheldorizdat; 1946. 459 p. (in Russian)

4. Rodoman BB. Morphology and Dynamics of Russian Space. In: Rodoman BB. Polarized Biosphere: A Collection of Articles. Smolensk: Oikumena; 2002; p. 313-318 (in Russian).

5. Kagansky VL. Natural and State Landscape of Northern Eurasia: Theoretical Geography. In: Socio-Economic Geography: Traditions and Modernity. Moscow-Smolensk: Oikumena; 2009; p. 78-100 (in Russian).

6. Kordonsky SG. Russia. The Local Federation. Moscow: “Europa” Publishing House; 2010. 312 p.

7. Kagansky VL. The Inner Periphery: A New Growing Zone of Russia’s Cultural Landscape. Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya. 2012; (6):23-34 (in Russian).

8. Rodoman BB. Internal Colonialism in Contemporary Russia. In: Where is Russia Heading? Social Transformation of the Post-Soviet Space. Moscow: Aspect Press; 1996; p. 94-102 (in Russian).

9. Rodoman BB. Traditional Cultural Landscape: Key Issues of Typology, Zoning, and Imagination. International Journal of Cultural Research. 2011;5(4):47-53 (in Russian).

10. Rodoman BB. Will the Russian Soviet Federative Socialist Republic leave the USSR? Soglasie: publication of the Lithuanian Reform Movement Sąjūdis. 1990;7(29):14. (in Russian).

11. Etkind A, Uffelmann D, Kukulin, ed. Inside There. Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia. Moscow: NLO; 2012. 960 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 15.02.2025.
The article is submitted 15.02.2025.